

Между Красными и Белыми: политические практики рабочих Урала в условиях гражданской войны¹

Отечественные и зарубежные историки обоснованно подчеркивают решающую, «форматирующую» роль гражданской войны и ее опыта в становлении советской политической системы, ее специфических черт, облика, ценностно-символической структуры¹. Многочисленные исследования посвящены психологии и поведению рабочих в условиях революции 1917 г. и гражданской войны, их участию в этих процессах, во многом определившем судьбу большевистского режима и трансформировавшему их собственный облик². В то же время актуальной остается задача изучения региональной специфики участия российских рабочих в гражданской войне, результаты которого позволят переосмыслить их роль в становлении большевистской политической системы.

Эпохальные процессы и события общественной жизни, вызвавшие раскол российского общества в конце 1917 – начале 1918 г., оказали значительное влияние на умонастроения и поведение уральских рабочих. Важнейшими из них были действия большевиков по утверждению своей власти, созыв и роспуск Учредительного собрания, заключение Брестского мира, социально-экономические процессы в условиях демобилизации и национализации промышленности региона.

Индикатором политических настроений рабочих конца 1917 г. можно считать результаты выборов в Учредительное собрание. Наивысший процент

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

голосов на Урале большевики собрали на частновладельческих заводах Южного Урала (90% на Миньярском заводе, ставшем «колыбелью большевизма»), значительно меньше – в заводских поселках казенных предприятий: от 50% на Ижевском, Мотовилихинском, Кушвинском заводах до 20% на Воткинском. Аналогичная картина сложилась в ряде старинных горнозаводских центров с устоявшейся социальной структурой, наличием земельных наделов у большинства рабочих³. Результаты выборов отражали как политические ожидания рабочих в целом, которые они связывали с большевиками и другими левыми партиями, так и, в большей степени, настроения неквалифицированных рабочих, недавних выходцев из деревни, ориентированных на быстрые изменения своего социального статуса. Очевидно, что рабочие и их коллективы, наряду с солдатами тыловых гарнизонов Урала⁴ были главной социальной силой, поддержавшей большевиков. В целом на выборах в Учредительное собрание на Урале за них проголосовало 18,1% населения, в то время как за другие политические силы – около 82%⁵, что обусловило особую остроту политической борьбы в регионе. Эсеро-меньшевистский блок, получивший 54,1% голосов избирателей⁶, представлял на Урале серьезный политический фактор, активно действовавший в прессе, Советах, других общественных организациях. Немало сторонников меньшевиков и эсеров было и в рабочей среде. Они имели значительное влияние в Златоусте, Ижевске, Мотовилихе, Билимбаевском, Чусовском, Ревдинском, Богословском, Верхотурском, Нязе-Петровском и некоторых других заводах⁷, среди железнодорожных рабочих⁸. Популярностью и весомой поддержкой рабочих в промышленных районах края пользовались левые эсеры⁹.

Наиболее существенное, поистине колоссальное воздействие на социальное самочувствие рабочих оказали факторы социально-экономического порядка. После прихода большевиков к власти уральские рабочие столкнулись с реалиями массового сокращения производства на оборонных заводах, переживавших хаотическую демобилизацию, общей ситуацией дезорганизации промышленности в условиях ее начавшейся национализации, растущей

безработицей. Недовольство рабочих своим положением стало проявляться уже с первых дней 1918 г., но особенно активно – с мая 1918 г., когда над уральскими рабочими нависла угроза голода, а в ряде мест он реально наступил¹⁰. Мотивами недовольства рабочих были не только продовольственные трудности, но и протест против действий местных большевиков, формирований Красной гвардии и Красной Армии, занимавшихся бессудными арестами, убийствами, грабежом и насилием над населением, осуществлявших различные левацкие меры по реквизиции домов, запрещению владеть покосами и т.п.¹¹

К весне-началу лета 1918 г. позиции большевиков в рабочей среде существенно ослабли, проявлением чего стало значительное количество голосов, поданных за меньшевиков и эсеров на выборах в городские Советы весной 1918 г.¹², возникновение на некоторых уральских заводах движения рабочих уполномоченных, находившегося под влиянием умеренных социалистов¹³, но главным образом - развитие протестного движения, наиболее ярким проявлением которого стали антибольшевистские восстания.

Отличительной чертой Урала был широкий размах антибольшевистского рабочего протеста и его повстанческие формы, в отличие от преимущественно мирных в других регионах страны¹⁴. По данным М.И. Вебера, в 1918 г. только в горнозаводских поселках Урала имели место три крупных антибольшевистских восстания (Ижевско-Воткинское, Саткинское и Невьянское), 10-12 восстаний, которые можно оценить, как средние, и несколько десятков случаев волнений¹⁵. Всего с декабря 1917 г. по июль 1918 г. на Урале произошло 37 заводских и городских антибольшевистских восстаний, в том числе на Михайловском, Шемахинском, Полевском, Рудянском, Северском, Павловском, Камбарском, Верх-Исетском, Кусинском, Саткинском, Бакальском, Нижнее-Сергинском, Нязе-Петровском, Надеждинском, Суксунском, Николо-Березовском заводах¹⁶.

Рабочие восстания на Урале нельзя считать результатом действий организованной антибольшевистской оппозиции¹⁷, они имели черты традиционных форм протеста горнозаводского населения. В то же время именно меньшевики и правые эсеры весной-летом 1918 г. формулировали

созвучные стихийным антибольшевистским настроениям рабочих лозунги.

В 1918-1919 гг. Урал стал эпицентром вооруженной борьбы на Востоке России, с лета 1918 г. в регионе развернулось широкое противостояние про-большевистских и антибольшевистских сил. Леворадикально настроенные рабочие, вступившие в Красную гвардию, Красную армию, боевые дружины начали активно участвовать в вооруженном подавлении антибольшевистских выступлений. Мемуары таких рабочих свидетельствуют, что в ходе развития ситуации весной-летом 1918 г. им пришлось делать личностный выбор, определяя, на какую сторону баррикад встать и на что они готовы в этой борьбе. Они вспоминали, какие события дали импульс к принятию судьбоносного решения о поддержке Красных, среди которых, в частности, упоминались Невьянское восстание, выступление атамана Дутова, гибель от рук противников большевиков родственников и товарищей¹⁸.

Степень сознательной вовлеченности рабочих в политический процесс на стороне большевиков в определенной мере показывают данные о численности добровольцев-рабочих, вступивших в Красную Армию в первой половине 1918 г. При том, что добровольчество имело материальный стимул в виде продовольственного пайка, денежного довольствия и различных льгот, уровень активности уральских рабочих в этом направлении не был высоким. Если на Южном Урале, в Оренбургской и Уфимской губерниях, в Красную Армию вступили 21,3% рабочих, то на Западном Урале, в Пермской и Вятской губерниях, где располагались крупные бывшие казенные заводы, – 3,9% и 6,8% соответственно, а в целом по Уралу – 8%¹⁹. Это свидетельствует не только о неравнозначности поддержки рабочими красного лагеря, как отмечают С.П. Постников и М.А. Фельдман²⁰, но и о нежелании их основной массы добровольно участвовать в какой-либо, а особенно гражданской, войне.

Разочарование основной массы рабочих в политике большевиков проявилось летом-осенью 1918 г. в поддержке ими антибольшевистских меньшевистско-эсеровских Комитетов народной власти, а затем и Временного Областного правительства Урала (далее – ВОПУ), что признавалось и в советской историографии²¹. Дискредитация большевистской власти из-за

беззаконных, насильственных действий ее представителей – типичный «сюжет» политических сводок партийно-советских властных инстанций за 1918 г.²² Ретроспективные свидетельства распространенности антисоветских настроений среди рабочих летом 1918 г. содержатся в сводках политических отчетов инструкторов Екатеринбургского губкома РКП (б) за 1919 г.²³

Поддержка квалифицированными рабочими антибольшевистской агитации была связана с их неприятием большевистских экономических и политических принципов, иными ценностными ориентациями, в частности, уважением прав собственности, норм законности, отрицанием конфискаций и т.п. Значительная часть таких рабочих была сосредоточена на крупных бывших казенных оборонных предприятиях, таких как Ижевский и Воткинский заводы. Коммунисты – агитаторы на Ижевском заводе так характеризовали местных рабочих: «Ижевский рабочий в массе являясь высококвалифицированным, получал высокие ставки и до войны. За войну же, в особенности, и поэтому он “мелкобуржуазился” (так в источнике – О.П.) и его заветная мечта – накопить грошей, выстроить двухэтажный домик и обеспечить себе старость по “сберегательной”»²⁴. В докладе Воткинского комитета РКП (б) отмечалось, что часть рабочих пошла на антибольшевистское восстание сознательно, т.к. «вела мещанский образ жизни» и «не хотела расстаться со своей скотинкой, землицей и вообще частной собственностью»²⁵.

В декабре 1918 г. на митинге рабочих Мотовилихинского завода были выдвинуты требования отмены пыток и смертной казни, свободной продажи хлеба, а также – «проверять, что едят комиссары и снять с них кожанки для пошива обуви населению». Митинг разогнали латыши, а в ближайшие дни более 300 рабочих бесследно исчезло²⁶. Военный Совет 3-й Армии принял решение о закрытии завода и объявлении его на осадном положении, были произведены обыски и аресты²⁷.

Некоторые категории рабочих поддерживали небольшевистские правительства Урала на всем протяжении их существования. Об этом говорят данные об эвакуации квалифицированных рабочих вместе с белыми при их отступлении²⁸, значительной доли населения заводских поселков, «бежавших с

белыми»²⁹, о различных формах поддержки рабочими Уральского и Сибирского правительств³⁰.

Тема обличения большевиков и красноармейцев присутствовала в рабочем фольклоре, в частности, в частушках, собранных неизвестным автором в районе Северского и Полевского заводов. О красной армии в них говорилось: «Красна армия воюет, // А буржуев не берет // Лишь с крестьянином дерется, // Да с рабочих деньги рвет»³¹. О Ленине в частушке говорилось: «Мы пойдем на край Сибири, // Где могила Ермака. // Но не надо нам уж боле // Ах, царем – большевика»³².

Косвенное свидетельство разочарования значительной части рабочих в большевиках и их «пассивного сопротивления» навязыванию новых политических порядков – констатация большевистскими руководителями «беспартийности» и «несознательности» основной массы рабочих. Так, на Первой Екатеринбургской губернской конференции РКП (б) в октябре 1919 г. председатель областного Совета Урала, член президиума ВЦИК Л.С. Сосновский выделял три группы рабочих: «самый передовой, авангард – наиболее сознательные, вполне самоопределившиеся в классовом и политическом отношении рабочие; средний – менее сознательные, недостаточно стойкие в убеждениях, недостаточно проникшиеся пролетарской психологией рабочие; наиболее значительная – несознательная масса рабочих, которые только что втягиваются в политическую жизнь»³³. Сходную оценку давал лидер партии Г. Зиновьев в статье «Почему нельзя остаться беспартийным», опубликованной в «Уральском рабочем»: «Говорится о том, что “партия коммунистов – партия рабочего класса”. Тем не менее, в нее входит только часть рабочих, меньшая часть. Большая часть рабочего класса “ни с кем”. Большинство рабочих до сих пор считают себя “беспартийными”»³⁴.

Военно-политический режим антибольшевистских правительств, социально-экономические процессы на территории края породили реальность, далеко расходившуюся с программными установками противников большевиков. Негативную роль в отношениях рабочих и новой власти сыграли

неспособность Уральского и Сибирского правительств наладить промышленное производство, решить продовольственную проблему, обуздать произвол военных. Низкая производительность национализированных заводов, недостаток сырья и топлива, катастрофическое финансовое состояние обусловили трудности в реализации планов их денационализации³⁵, массовые увольнения рабочих целого ряда предприятий и их закрытие, осложнявшиеся задержкой расчетов с уволенными рабочими, порождали безработицу и социальную напряженность. Ситуацию осложняло и то обстоятельство, что большевики перед эвакуацией выдали рабочим 1,5 месячный аванс, который решением конференции профессиональных союзов Урала они должны были отработать³⁶.

Привычка уральских горнозаводских рабочих к патернализму в отношениях с властью³⁷ обусловила восприятие массовых увольнений не иначе, как невыполнение главной обязанности власти – обеспечения гарантий работы и минимума заработка. Крайне болезненно воспринимали рабочие увольнения по политическим мотивам, существование которых признавалось самими представителями антибольшевистских структур³⁸. Рабочие, значительная часть которых сохраняла связь с землей, крайне негативно воспринимали и действия заводоладельцев по возвращению принадлежавших им земельных и лесных угодий.

Галопирующая инфляция, практиковавшиеся белыми разнообразные обременительные повинности (пешая, конная, подводная), реквизиции имущества на нужды белой армии, – все это делало повседневное существование рабочих под властью белых крайне тяжелым. С.С. Постников, начальник Уральского края, подавший 1 апреля 1919 г. в отставку, обличая политику военных и Сибирского правительства в целом, писал: «Продовольствия на Среднем и Северном Урале нет, потому что железные дороги его не перевозят... Население доводится до отчаяния, а с голодными рабочими наладить и даже удержать промышленности не могу... На голодном Урале недостаток рабочих, и пока хлеб не придет, они не придут»³⁹. Рабочие спасались от голода, уходя из городов в деревню, сферу кустарной и мелкой

промышленности, что породило нехватку рабочих рук на работающих предприятиях.

Острую негативную реакцию рабочих вызывали произвол и террор военных властей. В источниках имеются многочисленные свидетельства арестов и расправ «по наветам», без суда⁴⁰. На фоне такой ситуации у белых беспощадная борьба с произволом красноармейцев, проводившаяся командованием РККА с 1919 г., не могла не восприниматься населением положительно. В письме красноармейца от 16 ноября 1919 г. говорилось: «Теперь у нас в Красной армии порядки хорошие, не так, как раньше было, теперь даже за оскорбление ответишь, а если взял что-нибудь у крестьянина, то строго ответишь, и даже совсем расстреляют, у крестьян ничего не велят трогать»⁴¹.

Разочарование рабочих в белых правительствах, которых поначалу «встретили как избавителей», но потом «плакали от их крепких обьятий» констатируется как характерная черта изменения настроений рабочих в политических сводках Екатеринбургского губкома РКП (б) за август-декабрь 1919 г.⁴² Об этом же свидетельствует один из создателей ВОПУ Л.А. Кроль: «Много перенесло население Пермской губернии от большевиков и с энтузиазмом встретило сибирскую армию. Но это настроение длилось не долго. Оно скоро перешло в недоверие, даже в ненависть, благодаря исключительно агентам власти»⁴³.

Восприятие власти и ее политики уральским населением после освобождения края от Колчака может быть изучено на основе массовых источников личного происхождения, в частности, материалов отделения военной цензуры при Первой трудовой Армии, содержащих информацию о частных письмах и отрывки из перлюстрированной корреспонденции уральцев⁴⁴. По подсчетам Е.И. Ярковой, проанализировавшей 903 сообщения за период со второй пол. апреля по вторую пол. июня 1920 г., количество «положительных» (в поддержку советской власти) писем составляет 30% от общего числа, отрицательных – 61% , нейтральных – 9%⁴⁵. При том, что самое большое недовольство вызывала продовольственная политика власти,

наименьшая доля отрицательных писем приходится на раздел «отношение к Красной армии и гражданской войне», что, по-видимому, было связано с общими причинами победы Красных в гражданской войне и отражало сдвиг общественных настроений после окончания военных действий в регионе. Содержание писем за весну-лето 1920 г. свидетельствует о поддержке большинством адресантов, представленных жителями Урала, Красной армии в войне с Польшей, а также о присутствии в их сознании утопического концепта «светлого будущего» и революционно-романтических настроений⁴⁶. Типичными были рассуждения, высказанные, например, в письме из Екатеринбурга 12 мая 1920 г., где говорилось: «На вашу долю выпало дать отпор проклятой польской шляхте, но я уверен, что с ней справимся, как и с Колчаком, только не падайте духом. Весь Урал рабочих и красноармейцы рвутся к вам на помощь. Работаю и я на трудовом фронте, а товарищи красноармейцы просятся на польский фронт. Желая скорой победы над польскими панами»⁴⁷. Другой характерный пример – письмо из Троицка от 1 июля 1920 г.: «Все несчастье в том, что буржуазия всего мира желает, во что бы то ни стало, задушить советскую власть. И вот когда было приступлено к строительству новой жизни, панская шляхта с европейской буржуазией снова напали на нас. Наша армия гонит польскую шляхту. Придет время, когда мы увидим, жизнь при власти трудящихся есть облегчение всему народу»⁴⁸.

Утопический, мифологический компонент сознания рабочих усиливался в процессе их приобщения к большевистской политической культуре. Важную роль в этом играли политические ритуалы, в ходе которых рабочие усваивали формулы, клише и образы официальной пропаганды. В процессе повторения стереотипных, эмоционально-нагруженных действий, участия в «применении символов», рабочие закрепляли в сознании их ценностное и смысловое наполнение. Такую «форматирующую» роль в отношении картины мира рабочих играли церемонии празднования 1 мая, похорон большевиков – жертв гражданской войны⁴⁹, митинги на предприятиях в связи с разгромом Колчака⁵⁰, празднование годовщины Октябрьской революции⁵¹, собрания в поддержку решений Всероссийских съездов Советов⁵². На собраниях и митингах звучали

звуки Интернационала, рабочие пели «Вы жертвою пали...», принимали постановления против меньшевиков и эсеров как «врагов народа», «соглашателей», «прислужников и опричников Колчака», левых эсеров как «врагов мирового пролетариата», осуждали «мертворожденное Учредительное собрание», призывали к созданию «советов трудящихся всего мира», «такого строя, когда не будет ни бедных, ни богатых». При этом постановления митингов и собраний принимались абсолютным большинством голосов⁵³. Участие рабочих в советских политических ритуалах и одобрение ими коллективных резолюций не означало, разумеется, полного совпадения их позиций с позицией большевиков. Так, характеризуя настроение рабочих В.-Салдинского завода, авторы политической сводки штаба 3-й армии РККА от 4 сентября 1918 г. отмечали: «Настроение вообще не особенно важное, так, *несмотря на тысячные митинги и принятые резолюции* (курсив мой – О.П.), явно прослеживается нежелание идти на фронт»⁵⁴. Аналогичная ситуация была в Чермозском заводе, о чем писал «Уральский рабочий» в июле 1918 г.⁵⁵ В этом, на наш взгляд, проявлялось становление советской культуры конформизма, детально исследованное применительно к 1917-1920-м гг. С.В. Яровым⁵⁶.

Таким образом, анализ политических практик уральских рабочих в условиях гражданской войны позволяет констатировать отторжение рабочей массой политики большевиков в период их борьбы за утверждение у власти в конце 1917 – сер. 1918 гг. Приход в регион социокультурно чуждых белых правительств, неэффективных в решении насущных проблем и проводивших репрессии в отношении рабочих, корректировка в 1919-1920 гг. политики большевиков обусловили смену политических настроений. Период гражданской войны был временем большевизации сознания рабочих, которая осуществлялась принудительно, в процессе целенаправленной индоктринации, опиралась на традиционалистские установки менталитета уральских рабочих, сопровождалась созданием новой символической системы, легитимирующей большевистскую революцию.

- ¹ Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917-1923 гг. М., 1995. С. 223. Он же. Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. М., 2006. С. 44; *Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington: Indiana University Press, 1985. P. 57-58; Fitzpatrick, Sh. *The Russian Revolution*. Third Edition. Oxford University Press, 2008. P. 84-90.
- 2 Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917 – 1923 гг. СПб., 1999; Он же. Конформизм в Советской России: Петроград 1917 –1920-х гг. СПб., 2006. Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917 – 1918 годы. М., 2004; Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России 1990-1941 .М., 2009; и др.
- ³ Постников С.П., Фельдман М.А. Указ. соч. С. 306-307.
- ⁴ По подсчетам Н.Н. Попова за большевиков на выборах в Учредительное собрание проголосовало 55,7 % солдат Урала: см.: Попов Н.Н. Советская историческая литература о борьбе уральских большевиков за солдатские массы в период подготовки и проведения Октябрьской революции // Большевицкие организации Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) / Свердловск, 1981. С. 50.
- ⁵ Каплюков В.В. Партийная борьба на Урале вокруг Учредительного собрания // Большевицкие организации Урала в борьбе за победу социалистической революции. Свердловск, 1987. С. 28.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. Париж, 1982. С. 61.
- ⁸ Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921. С. 139-140.
- ⁹ Люхудзаев М.И. Левые эсеры в политической жизни Урала в 1917-1918 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 15.
- ¹⁰ Уральский рабочий. 1918. 12 мая (29 апреля); 9 июля.
- ¹¹ Струмилло Г.Б. Из записок рабочего// Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. Париж, 1982. С. 29-31, 38-42; Чураков Д.О. Указ. соч. С. 279.
- ¹² Однако на Урале правые эсеры и меньшевики вскоре либо выходили из Советов в знак несогласия с проводимой их большинством политикой, либо исключались из их состава: См.: ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 31. ЛЛ. 7, 47, 129, 134, 134 об., 156, 181 об., 183-201; Д. 283 б. Л. 5; Д. 502. ЛЛ. 1об., 2, 4об.
- ¹³ Чураков Д.О. Указ. соч. 160.
- ¹⁴ Вебер М.И. Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны. Автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014. С. 21.
- ¹⁵ Там же. С. 18.
- ¹⁶ Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. С. 71-72.
- ¹⁷ Урал и Прикамье. Документы и материалы. С. 64-65; Сергеева Е.Б. Меньшевики в политической борьбе на Урале (1917 – 1924). Автореферат дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996. С. 16.
- ¹⁸ Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. М., 1935. С. 199-200, 213; Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921. С. 100.
- ¹⁹ Постников С.П., Фельдман М.А. Указ. соч. С. 312-313.
- ²⁰ Там же. С. 312.
- ²¹ Урал в гражданской войне / Отв. ред. О.А. Васьяковский. Свердловск, 1989. С. 103.
- ²² В частности, отдела Военно-полевого контроля 3-й армии РККА и Политотдела областного комитета РКП (б). См.: ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 466. ЛЛ. 54, 55, 58, 63 и др.
- ²³ ЦДОО СО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 779. Л. 4, 5, 9, 10.
- ²⁴ ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 456. Л. 240.
- ²⁵ ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 456. Л. 241.
- ²⁶ Посадский А.В. Уральское и Прикамское беженство в 1919 году // Гражданская война на Востоке России. Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток. Пермь, 2008. С. 226.
- ²⁷ ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 466. Л. 32.
- ²⁸ ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 352. Л. 31.
- ²⁹ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 779. Л. 8, 10.
- ³⁰ Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 52. Л. 27-28; Д. 142а. Л. 39об.
- ³¹ Голдин В.Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917 – 1919 годы. Екатеринбург, 2006. Кн. 1. С. 68.

-
- ³² Там же.
- ³³ ЦДОО СО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
- ³⁴ Уральский рабочий. 1919. 12 ноября. № 84 (436).
- ³⁵ ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 453. Л. 73.
- ³⁶ Горный край. 1918. 22 (9) декабря. № 20. С. 3.
- ³⁷ См.: Алеврас Н.Н. «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX – XX веках. Сб. ст. Челябинск, 2003. С. 62.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142а. Л. 73.
- ⁴⁰ ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 466. Л. 2; Оп. 1. Д. 142а. Л. 73.
- ⁴¹ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 49.
- ⁴² Там же. Д. 779. ЛЛ. 3-10.
- ⁴³ Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142а. Л. 89.
- ⁴⁴ Яркова Е.И. 1920-й год глазами населения Урала. Сводки военной цензуры о письмах граждан уральских губерний // Гражданская война на Востоке России: Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток. С. 326-329.
- ⁴⁵ Там же. С. 328.
- ⁴⁶ «Скоро ли кончится эта проклятая война...» (из сводок отделения военной цензуры при I Трудовой армии о содержании писем, присланных красноармейцам) // Архивы Урала. 2009. № 13. С. 35-53.
- ⁴⁷ Там же. С. 35.
- ⁴⁸ Там же. С. 53.
- ⁴⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 376. Л. 9об; Уральский рабочий. 1918. 22 (9) мая. № 96 (193), 12 июля. № 136 (233).
- ⁵⁰ Уральский рабочий. 1919. 9 августа. № 6 (368), 13 августа. № 9 (371).
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 282. Л. 180-180 об.
- ⁵² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 282. Л. 222; ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 453. Л. 166.
- ⁵³ См.: ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 282. Л. 222; Уральский рабочий. 1918. 22 (9) мая. № 96 (193), 12 июля. № 136 (233); 1919. 9 августа. № 6 (368), 13 августа. № 9 (371).
- ⁵⁴ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА: Сб. док. Екатеринбург, 2008. С. 65.
- ⁵⁵ Уральский рабочий. 1918. 16 июля. № 138 (235).
- ⁵⁶ См.: Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917—1920-х гг. СПб., 2006.